

Machiavelli is the most misunderstood thinker of all time - Ada Palmer

Dwarkesh Patel · 2026-06-16 · <https://www.youtube.com/watch?v=U1FrhKLQnCI>

Выпуск подкаста Дваркеша Пателя с Адой Палмер — историком из Чикагского университета, писательницей и композитором. Разговор посвящен историческому контексту эпохи Возрождения и истинным мотивам Никколо Макиавелли, которые радикально отличаются от его современного образа.

Макиавелли вошел в историю как синоним цинизма и беспринципности, однако в реальности он был самоотверженным патриотом, пытавшимся спасти Флоренцию от уничтожения. Выпуск детально разбирает механику власти в Италии XVI века: как работала система патронажа, почему правосудие не было слепым, зачем искусство использовалось как дешевая замена армии, и как инквизиция случайно изобрела авторское право.

Хаос в Италии и феномен Чезаре Борджиа

Институциональный коллапс итальянских городов-государств 00:00: Во времена Макиавелли большинство итальянских правительств утратили легитимность. Долгая преемственность власти обеспечивает стабильность, но стоит прервать эту нить один раз, как начинается цепная реакция постоянных переворотов (подобно Войне Алой и Белой розы в Англии или смене режимов во Франции). К моменту написания «Государя» десятки итальянских полисов пережили насильственную смену власти, превратившись в нестабильные пешки, готовые пасть при любом потрясении. Макиавелли призывал Медичи не

объединять Италию, а хотя бы стабилизировать ее, создав силу, с которой придется считаться.

Папство как источник уникальной нестабильности 02:10: В отличие от наследственных монархий Европы, власть Папы Римского была выборной и непредсказуемой. В среднем каждые 10 лет к власти приходил новый понтифик, часто избранный коалицией врагов предыдущего Папы. Новые Папы регулярно отменяли решения предшественников, расширяли военную власть и свергали правительства соседних городов, чтобы посадить на трон своих незаконнорожденных сыновей. Этот прецедент превратил папство в главный дестабилизирующий фактор на Апеннинском полуострове.

Стратегия выживания Флоренции перед лицом Чезаре Борджиа 06:01: Чезаре Борджиа (Валентино), сын Папы Александра VI, обладал пугающей харизмой и методично завоевывал Центральную Италию. Флоренция понимала, что не сможет остановить его военным путем. Задача Макиавелли как дипломата заключалась в том, чтобы постоянно находиться при дворе Борджиа, демонстрировать абсолютную покорность, предавать старых союзников и спонсировать кампании завоевателя. Единственной надеждой республики было купить время и добиться статуса «гостя, которого циклоп съест последним», ожидая неизбежной смерти Папы.

Оценка политических решений в отрыве от фактора удачи 10:53: Королевство Борджиа рухнуло не из-за его ошибок, а из-за форс-мажора: он и его отец одновременно заразились смертельной болезнью в самый критический момент. Макиавелли закладывает основы утилитарного анализа, утверждая, что поступки правителя нужно оценивать не по фактическому результату, а по наиболее вероятному исходу до вмешательства слепой фортуны. Поскольку Борджиа всё делал правильно с точки зрения удержания власти, его методы следует копировать, несмотря на итоговый крах.

Фактчек: Борджиа всё сделал правильно и рухнул только из-за болезни и смерти отца — △: Август 1503: Александр VI умер (вероятно, малярия), Чезаре лежал при смерти и упустил контроль над конклавом — это буквально описано в гл. 7 «Государя». Но там же названа его реальная ошибка — согласие на избрание Юлия II, которого следовало опасаться; сам Чезаре выжил и погиб в бою в 1507 г. Тезис о безошибочности противоречит первоисточнику.

Значение методов удержания власти и оправданность лжи 15:07: Вопреки мифу «цель оправдывает средства», Макиавелли скрупулезно анализирует именно методы. Власть, полученная с помощью наемников или иностранных держав, крайне нестабильна. Нарушение клятв и ложь допустимы, но только если они подкреплены страхом и реальной силой (как у Борджиа, чьи генералы после предательства коллег становились лишь покорнее). Если же власть строится на харизме и пророчествах (как у Джироламо Савонаролы), любая ложь

или неисполненное обещание ведут к краху, так как база поддержки слишком хрупка.

Политическая конкуренция как инструмент стабильности 19:21:

Макиавелли стал первым европейским мыслителем, допустившим пользу многопартийности. Традиционный подход Флоренции заключался в физическом уничтожении проигравшей фракции (гвельфы вырезали гибеллинов, затем черные гвельфы резали белых). Макиавелли же, наблюдая за Сиеной, пришел к выводу, что стабильные политические партии могут конкурировать, стравливая социальное напряжение без резни. Его циничный взгляд на природу человека (люди ведут себя настолько плохо, насколько им позволяют) предвосхитил идею системы сдержек и противовесов.

Фактчек: Макиавелли первым в Европе допустил пользу партийной конкуренции, наблюдая за Сиеной — △: По сути верно: «Рассуждения» I.4 — конфликт плебса и сената сделал Рим свободным. Но это не современная многопартийность, а анализ смешанного правления был уже у Аристотеля и Полибия; аргумент строится через Ливия и Рим, «Сиена» в текстах не подтверждается.

Дипломатия как экономия на военных расходах 21:28: Флоренция регулярно использовала взятки для предотвращения вторжений. Выплата отступных иностранным правителям (например, Максимилиану) была стандартной статьёй бюджета. Это обходилось дешевле, чем содержание армии, и спасало сельскохозяйственные угодья от вытаптывания солдатами. Задача дипломатов сводилась к оценке реальности угрозы: стоит ли платить этому конкретному королю в этом году.

[23:09-24:13] Рекламная интеграция Cursor.

Папство, коррупция и правосудие эпохи Возрождения

Локальное восприятие Папы Римского 24:13: Для жителей Северной Европы Папа был абстрактной сакральной фигурой, вершащей судьбы королей через легатов. Для итальянцев Папа был конкретным местным аристократом с известными пороками, чья семья продвигала своих и уничтожала чужих. Это приводило к парадоксальным войнам, когда традиционно про-папские города (гвельфы) воевали против папской армии, защищая абстрактный институт Церкви от конкретного Папы, выходца из враждебной фракции.

Пассивная агрессия в дипломатии высшего уровня 29:44: Когда Лоренцо Медичи (дед адресата «Государя») должен был принести традиционную клятву верности новому Папе Иннокентию VIII, он отправил вместо себя сына. В официальной речи было сказано, что Лоренцо не может покинуть Флоренцию, так как у него больше нет брата, на которого можно оставить город. Это было прямым и дерзким напоминанием о том, что предыдущий Папа (Сикст IV), чьей

марионеткой был Иннокентий, организовал заговор Пацци и убил брата Лоренцо.

Системная коррупция Церкви как дилемма заключенного 32:30: Из поколения в поколение Церковь богатели за счет пожертвований, что превращало церковные должности в инструмент политической власти. Покупка сана священника за взятку стала обыденностью даже для семей среднего достатка. Для правителей контроль над Церковью стал вопросом выживания: если ты не подкупишь Папу и не сделаешь брата епископом, это сделают твои враги, и ты будешь уничтожен. Макиавелли предвидел Реформацию, утверждая, что любой институт накапливает коррупцию и рухнет, если периодически не возвращаться к его изначальным основам.

Патронаж как фундаментальный клей общества 36:18: Вся социальная и политическая жизнь строилась на многопоколенческих связях патронов и клиентов. Непотизм воспринимался не как коррупция, а как гарантия безопасности: народ Рима требовал, чтобы Папа назначил главнокомандующим своего сына, так как только сын гарантированно не предаст отца и не повернет армию против города. Без рекомендательного письма от патрона было невозможно даже снять комнату в гостинице или купить еду в чужом городе.

Правосудие как духовный театр, а не справедливый суд 39:04: Средневековые законы формально требовали смертной казни почти за всё (кража, прелюбодеяние). В реальности 99 из 100 дел заканчивались штрафом благодаря вмешательству патрона обвиняемого. Целью суда была не справедливость в духе Просвещения (одинаковое наказание для всех), а духовное исправление: грешник должен был пережить ужас неминуемой смерти, а затем получить милосердие через заступничество патрона (символизирующего святого заступника перед Богом). Казнили только тех, кто лишился защиты патрона (как Джордано Бруно, разозливший своего нанимателя).

Фактчек: 99 из 100 дел заканчивались штрафом через патрона; казнили только лишённых защиты (Бруно) — △: Штрафы, изгнание и помилование через связи преобладали, казнь была скорее устрашающим спектаклем; цифра «99%» — риторика, не статистика, единой системы наказаний по территориям не было. Бруно выдал недовольный хозяин Мочениго (1592), но затем 7 лет процесса и казнь за отказ отречься от тезисов — потеря патрона была необходимым, но не достаточным условием.

[46:35-48:12] Рекламная интеграция Jane Street.

Стабильность, свобода и культурная дипломатия

Секрет популярности жестоких тиранов 48:12: Когда Чезаре Борджиа захватывал город, он вырезал всю местную элиту. Вопреки ожиданиям, это

делало его невероятно популярным среди простого народа. Уничтожив враждующие фракции, Борджиа устанавливал нейтральное правосудие. Впервые за поколения убийца наказывался одинаково, независимо от того, на какую влиятельную семью он работал. Справедливый суд оказался важнее жестокости завоевателя.

Фактчек: Борджиа был популярен в народе, потому что вырезал элиту и ввёл равное правосудие — □: Централизованное нейтральное правосудие в Романье после уничтожения местных кланов дало ему поддержку простых граждан.

Ценность институциональной свободы 53:05: Для Макиавелли и флорентийцев «свобода» означала не демократию в современном понимании, а наличие правовой системы. Жизнь в государстве, где правитель может просто указать на человека на улице и приказать его убить без суда, считалась рабством. Даже если тиран добр, отсутствие институтов делает граждан рабами. При этом захват власти внутренней элитой (Медичи) считался меньшим злом, чем внешнее завоевание, так как местные правители не стали бы разрушать архитектуру и грабить собственный город.

Искусство как высокотехнологичная дипломатия 57:59: Огромные траты на искусство и архитектуру во Флоренции были прагматичным вложением. Создание шедевров работало как современная программа Фулбрайта: это была дипломатия, которая обходилась дешевле войны. Поражая иностранных послов (например, французских) культурным великолепием, флорентийцы внушали им уважение и предотвращали вторжения. Для современников купол Брунеллески был не просто красивым зданием, а передовой технологией, доказывающей, что Флоренция превзошла Римскую империю.

Античность как образ будущего 1:01:40: В эпоху Возрождения будущее не ассоциировалось с прогрессом. Идеалом было возвращение к величию Древнего Рима («движение назад — это движение вперед»). Историю фильтровали, игнорируя оргии и жестокость императоров, фокусируясь на 70 годах мира при «Пяти хороших императорах». Любовь к античности доходила до абсурда: в средневековом каноне считалось, что Папа Григорий Великий воскресил и крестил дух язычника Траяна, чтобы тот мог попасть в рай, так как христиане не могли смириться с нахождением идеального правителя в аду.

Лицемерие и отношение к греху 1:06:30: Ренессансное христианство не требовало чистоты (в отличие от более позднего кальвинизма). Ожидалось, что все люди постоянно грешат (ростовщичество, убийства, прелюбодеяния), а затем каются. Данте шокировал современников, поместив популярных героев-любовников Паоло и Франческу в ад, напоминая, что правила религии вообще-то работают. При этом в обществе был популярен Святой Юлиан Странноприимец — покровитель убийц, который по легенде убил своих родителей, но искупил

вину. Это давало надежду политикам и наемникам, совершавшим кровавые преступления.

[1:14:35-1:16:09] Рекламная интеграция Crusoe.

Истинные мотивы Макиавелли и утилитарность религии

Ссылка и патриотизм Макиавелли 1:16:09: Изгнание было стандартной практикой проверки лояльности. Макиавелли отправили гнить в глухую деревню без права общения с влиятельными людьми. Любой другой интеллектuala его уровня уехал бы в Неаполь, Францию или Англию, где ему платили бы втрое больше за написание хвалебных историй. Но Макиавелли был радикальным патриотом. Он предпочел жить в нищете и написать «Государя» как секретное руководство исключительно для правителей Флоренции (даже тех, кто его пытал), категорически отказываясь передавать эти знания другим государствам.

Фактчек: «Государь» — секретное руководство для единственного читателя, написанное из чистого патриотизма — ▲: Рукопись (De Principatibus, 1513) действительно распространялась приватно и напечатана лишь в 1532 г. Но в письме Веттори от 10 декабря 1513 г. трактат прямо связан с надеждой получить должность у Медичи — патриотизм и карьера здесь не противопоставлены. Первое издание вышло с привилегией папы Климента VII (Медичи), а не как семейная инициатива.

Фактчек: пытки и ссылка в глухую деревню — □ с оговоркой: Strappado в 1513 г. и высылка подтверждаются, но Сант-Андреа-ин-Перкуссина — собственное имение Макиавелли, а не «глухая деревня».

Книги для одного читателя 1:22:10: «Государь» не предназначался для публикации. В ту эпоху написание кастомных руководств по управлению государством в единственном экземпляре для конкретного принца (или принцессы) было нормой. Король Неаполя Альфонсо платил огромные деньги ученым за создание таких секретных манускриптов для своих детей. Слава автора росла просто от факта, что он допущен к созданию проприетарных государственных секретов.

Посмертная слава и цензура 1:27:41: «Государь» был издан только после смерти Макиавелли его родственниками ради семейной славы. Книга попала в Индекс запрещенных книг, но не как главная угроза (высший статус еретиков резервировался для протестантов вроде Лютера). Настоящая популярность пришла к Макиавелли в XVII веке: его начали массово читать, чтобы найти аргументы для опровержения идей Томаса Гоббса. В XIX веке он стал иконой итальянского национализма и символом идеи отделения церкви от государства.

Фактчек: В Индексе запрещённых книг Макиавелли был не главной угрозой; слава пришла в XVII веке ради опровержения Гоббса — □: В Индексе Павла IV (1559) все сочинения Макиавелли попали в первый класс — полный запрет, как у

Лютера. Антимакиавеллистская традиция сложилась уже в XVI веке (французские переводы 1550-х, Жантие 1576, шекспировский штамп «Machiavel»); в XVII веке Гаррингтон, Спиноза, Невилл читали его как республиканца параллельно Гоббсу, причинная связь «против Гоббса» не подтверждена — возможно, авторская интерпретация Палмер.

Религия как инструмент гражданского строительства 1:35:48: Макиавелли (как позже и Томас Пейн) оценивал религию исключительно по ее психологическому воздействию на массы. Он считал древнеримскую религию идеальной для государства: вера в то, что посмертная жизнь призрака зависит от земной славы, мотивировала граждан умирать за родину. Христианство же, гарантирующее рай за внутреннее благочестие и мученичество, поощряло пассивность. Макиавелли анализировал религию нейтрально, как навык чтения или математики, необходимый для формирования послушных и храбрых граждан, полностью игнорируя вопрос божественной истины.

Книгопечатание, инквизиция и два образа Макиавелли

Маскировка оригинальных идей под античность 1:41:42: В эпоху Возрождения оригинальные мысли считались дурным тоном. Чтобы идею восприняли всерьез, ее нужно было выдать за комментарий к древнему автору. Именно поэтому Макиавелли потратил десятилетия на «Рассуждения о первой декаде Тита Ливия». Вся радикальная политическая философия и космология Ренессанса (включая магические теории Фичино) пряталась в сносках и комментариях к Сенеке, Платону или Ливию. Историки XIX века ошибочно сочли эту эпоху бедной на идеи, не поняв, что античные тексты использовались лишь как каркас для продвижения новаторских концепций.

Инквизиция как создатель авторского права 1:50:50: На заре книгопечатания авторы были беззащитны перед пиратами (Макиавелли в панике писал друзьям, что чужие опечатки разрушат его репутацию). Первое подобие копирайта создала Инквизиция. Введя обязательную премодерацию книг на ересь, Церковь выдавала печати-разрешения, которые гарантировали конкретному издателю монополию на печать. Англия и другие страны позже скопировали эту систему, оставив монополию (копирайт) и убрав цензуру.

Фактчек: Инквизиция создала первое подобие авторского права через премодерацию и печати-разрешения — □: Светские издательские привилегии (монополия на печать текста) существовали в Венеции с 1469 г. — раньше церковной цензуры (булла 1487, Индекс 1559). Верно лишь то, что в Англии Stationers' Company (1557) спланировала цензурное лицензирование с монополией, из чего вырос Статут Анны 1710 г.; Церковь — канал распространения идеи, а не автор. Расхождение: Gemini считает тезис подтверждённым, Claude и GPT — ошибочным; аргументы последних сильнее (даты).

Слабость Инквизиции и пузыри свободы 1:55:49: Вопреки мифам, Инквизиция не была всемогущей централизованной машиной. Местные инквизиторы зависели от финансирования и стражи локальных правителей. Если герцог (как Медичи) увлекался радикальной философией или защищал своих придворных, инквизитор был бессилён. Это создавало систему, где ересь и гомосексуальность были безопасны, если человек работал на кардинала или правителя. Друзья Макиавелли массово устраивались на работу к кардиналам, чтобы избежать преследований за гомосексуальность.

Фактчек: Друзья Макиавелли шли на службу к кардиналам ради иммунитета от преследований за гомосексуальность — □: Во Флоренции действовали «Офицеры ночи», но патронаж двора кардинала или Папы давал фактический иммунитет.

Раздвоение личности в истории 2:02:16: В культуре закрепились два совершенно разных Макиавелли. Первый — «Старый Ник» (синоним дьявола), шекспировский злодей, символ эгоизма и беспринципных интриг, который стал удобным мысленным экспериментом для описания циничной политики. Второй — реальный Никколо Макиавелли, самоотверженный патриот, пожертвовавший карьерой и свободой ради спасения своей республики, написавший инструкцию не по захвату власти для личной выгоды, а по удержанию стабильности в государстве. Общество намеренно расщепило его наследие, чтобы использовать миф о злодее в одних целях, а реальные политологические инновации — в других.

ЛИЧНО ДЛЯ ТЕБЯ

Отделяй качество решения от исхода: Борджиа проиграл из-за малярии в критический момент, но при этом сделал и настоящую ошибку (Юлий II). Практика: письменно фиксировать, почему принимаешь решение (стройка, инвестиции, найм) с ожидаемыми вероятностями — потом сверять, где невезение, а где сбой логики. Иначе учишься на шуме, но и не списывай всё на фортуна.

Ложь работает только у того, кто держит силу: Нарушенное слово Борджиа делало генералов покорнее; у Савонаролы, стоявшего на харизме, одно невыполненное обещание — крах. Если твой капитал — репутация и доверие (соло-предприниматель, партнёры на Кипре), нарушение слова стоит непропорционально дорого: обещай меньше, чем сделаешь.

Проектируй институты, а не надейся на доброго тирана: «Люди ведут себя настолько плохо, насколько им позволяют» — прямая рамка для оценки любого «мы сами себя проконтролируем», включая саморегулирование AI-лабораторий. Тест при выборе партнёров и организаций: что будет, если нынешнего руководителя сменит менее порядочный?

Остерегайся разоблачений, которые просто переворачивают миф:

«Макиавелли-злодей» → «Макиавелли-чистый патриот» обедняет историю так же, как исходный штамп. Быстрая самопроверка — главы VII и XVIII «Государя» и I.4 «Рассуждений»: там видны реальные противоречия между эффективностью, свободой и моралью, а не лозунг.

КОНСЕНСУС РЕЦЕНЗЕНТОВ

Все три модели сошлись на главном практическом уроке — оценивать решения по ожидаемому исходу на момент выбора, а не по результату, — и на том, что патронаж реально давал иммунитет. Резко разошлись по «инквизиция изобрела копирайт» (Gemini □ против □ у Claude и GPT, чьи датировки убедительнее), по безошибочности Борджиа (Claude □ с оговоркой, GPT □) и по степени цинизма Макиавелли: GPT и Claude указывают, что пересказ героизирует его, замалчивая карьерный мотив и полный запрет в Индексе 1559 г.